

УДК 930.1(091)(430)

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-127-137

КОНРАД АДЕНАУЭР И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

А. Н. Сорокин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а
SorokinAN@omsu.ru

Рассмотрены сложившиеся в историографии ФРГ оценки политики, проводимой федеральным канцлером Конрадом Аденауэром при решении германского вопроса. Представлены основные исторические инициативы и события в данной области периода канцлерства Аденауэра в трактовке исторической и политологической науки ФРГ. На основе анализа источников выделены основные направления исследования, дискуссионные вопросы историографии ФРГ, связанные с интерпретацией германской политики первого федерального канцлера. Подробно рассмотрена историографическая дискуссия вокруг ноты советского правительства от 10 марта 1952 г. с предложением объединения Германии при нейтральном статусе (так называемой «ноты Сталина от 10 марта 1952 г.»). С привлечением широкого круга работ охарактеризованы два основных противоположных направления интерпретации данного вопроса: сторонники так называемой «школы скептиков» отказывали авторам ноты в серьезности намерений и исходили в основном из её пропагандистского характера, сторонники же так называемой «теории упущенной возможности», наоборот, исходили из серьезного характера советского предложения и считали отказ от него упущенным шансом для объединения страны. Раскрыто влияние воссоединения Германии 1990 г. на историографическую дискуссию ФРГ путем утверждения главенствующего положения исследователей–сторонников германской политики Аденауэра, которые в результате краха режима ГДР получили весомый довод в пользу правильности долгосрочных установок германской политики первого федерального канцлера. Определены основные современные позиции критиков германской политики Аденауэра, которые после воссоединения сосредоточились на выделении роли политики канцлеров–приемников Аденауэра (прежде всего роли «новой восточной политики В. Брандта»).

Ключевые слова: история ФРГ, историография ФРГ, германский вопрос, Конрад Аденауэр, холодная война.

В 1949 г., когда к власти в ФРГ пришел первый федеральный канцлер Конрад Аденауэр (1949–1963), раскол Германии уже был свершившимся фактом. Германская политика, т.е. политика по восстановлению единства нации, играла в Западной Германии особую роль. Достижение воссоединения декларировалось политической элитой ФРГ как высшая цель внешней политики. ФРГ создавалась как временное образование, до восстановления единства. Высшей целью своей внешней политики провозглашал воссоединение и Аденауэр. Достижение немецкого единства было зафиксировано в преамбуле основного закона ФРГ 1949 г. Какое место в действительности занимало воссоединение Германии среди внешнеполитических целей первого федерального канцлера?

Крупнейший и признанный исследователь деятельности Аденауэра немецкий историк Ганс-Петер Шварц определяет цели внешней политики канцлера как триаду: свобода, мир, единство. Приоритет однозначно принадлежал обеспечению свободы в смысле западных демократических ценностей, что в глазах Аденауэра было автоматически связано с продвижением западной интеграции. Последняя может пониматься и как инструмент, и как цель внешней политики [Schwarz, 1971, S. 85].

По мнению Шварца, К. Аденауэр придавал большое значение сохранению мира, гарантию которого он видел и в наличии собственных боеспособных вооруженных сил в рамках западного оборонительного союза. Аденауэр был сугубо гражданским лицом, не «милитаристом». Однако, исходя из мировых реалий, он понимал силу государства и как военную силу. Аденауэр любил цитировать высказывание Дж. Ф. Даллеса о том, что государство без вооруженных сил не самостоятельное государство, в лучшем случае – протекторат.

Касаясь последнего компонента триады, Шварц пишет: «В конце концов он так же рассматривал и воссоединение – согласно знаменитой формуле "в мире и свободе" – как главную цель сво-

ей политики. Но она была четко подчинена обеспечению свободы (и тем самым западной интеграции) и обеспечению мира» [*Ibid*, S. 86]. Таким образом, Шварц констатирует подчиненное, неключевое значение воссоединения Германии в рамках основных внешнеполитических целей Аденауэра.

Другой известный немецкий историк, Анзельм Дёринг-Мантойффель, отмечает, что представление о подчиненном характере германской политики К. Аденауэра, закрепившееся в историографии ФРГ, восходит именно к интерпретации Шварца [*Doering-Manteuffel*, 1983, S. 104]. В целом ни один из историков ФРГ не рассматривал и не рассматривает воссоединение страны как главную, приоритетную цель внешней политики Аденауэра. Хельга Хафтендорн оценивали западную интеграцию как доминирующую структуру политики безопасности Конрада Аденауэра [*Haftendorf*, 1983, S. 69–73]. По её мнению, воссоединение без вхождения в западную систему союзов не стояло на повестке дня. При этом она широко ссылается на выводы Шварца. Готфрид Нидхарт считает, что «приоритет внешней политики Аденауэра заключался не в восстановлении немецкого единства, а в консолидации западного государства как равноправного партнёра в западном союзе» [*Niedhart*, 1993, S. 813].

Согласно Шварцу, К. Аденауэр хорошо видел, что Москва серьёзно рассчитывала на нейтрализацию Германии, «но он не хотел воссоединения ценой нейтрализации». Шварц называет это отказом «поставить на кон свободу и безопасность Западной Германии ради национального единства» [*Schwarz*, 1971, S. 100]. Он подчёркивает признание советской угрозы одной из причин отклонения К. Аденауэром идеи нейтрализации Германии. Другой известный немецкий специалист по Аденауэру Арнульф Баринг, объясняет отказ от планов воссоединения при сохранении нейтрального статуса в большей мере недоверием канцлера к собственному народу, его политической зрелости [*Baring*, 1969, S. 57-58].

В любом случае воссоединение любой ценой не рассматривается в историографии ФРГ в качестве первоочередной и важнейшей задачи внешней политики К. Аденауэра. Точнее, как формулирует Шварц, Аденауэр «не был заинтересован в воссоединении, которое вырывало бы Германию из тесной связи с Западом» [*Schwarz*, 1971, S. 101]. Приоритет в его внешней политике Шварц отводит защите Западной Германии от советского проникновения, преодолению внешнеполитической изоляции, возвращению политической свободы действий ФРГ и безвозвратной экономической, политической и военной интеграции – стержню всего немецкого государства – в западноевропейское сообщество государств. Западная интеграция, по мнению Аденауэра, со временем должна была способствовать уходу Советского Союза из ГДР, т.е. обеспечить воссоединение.

На практике взгляды Аденауэра проявились в непризнании ГДР и отклонении ряда прежде всего восточных инициатив, предполагавших альтернативу западной интеграции Германии. Самым известным из подобных предложений была так называемая «нота Сталина» от 10 марта 1952 г.

После обнародования так называемого «плана Плевена» все усилия Аденауэра были направлены на поддержку идеи Европейского оборонительного сообщества. В 1952 г. переговоры западных держав с участием ФРГ успешно продвигались к завершению. В это время СССР выступил с альтернативным западной интеграции ФРГ предложением, предполагавшим решение германского вопроса. Советская нота от 10 марта 1952 г. стала известна в ФРГ как «нота Сталина 1952 г.» В документе предлагались следующие базовые условия воссоединения Германии: вывод оккупационных войск; обязательство Германии «не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооружёнными силами в войне против Германии», т.е. предусматривался нейтральный статус; возможность создать собственные вооружённые силы; признание послевоенных границ (Проект советского правительства..., 1952, с. 2).

После обнародования ноты Аденауэр тотчас высказал свое отрицательное отношение к советскому предложению. Уже 11 марта в беседе с верховными комиссарами западных держав канцлер заявил, что нота направлена на срыв политики европейской интеграции ФРГ, в том числе за счет заигрывания с милитаристами и правыми силами Западной Германии. Собеседники согласились с тем, что успешная западная интеграция способна побудить СССР на ещё более выгодные для Запада инициативы [*Steininger*, 1990, S. 39]. В своих «Воспоминаниях» Аденауэр с удовлетворением отметил, что приветствовал политику западных держав в области продолжения западной интеграции ФРГ, сделав вид, «будто ноты не было» (*Adenauer*, 1994, S. 70).

СДПГ выступила с предложением приостановить подписание западных договоров и рассмотреть советское предложение. Используя своё доминирующее положение в системе канцлерской демократии, Аденауэр приложил все силы для продвижения западных договоров и отклонения ноты. Из кругов ХДС только Я. Кайзер выступил за проверку ноты, но и он не решился на противостояние с федеральным канцлером.

Последовавший за этим и продолжившийся до сентября обмен нотами между СССР и западными державами ни к чему не привел и превратился во взаимные обвинения [Morsey, 1990, S. 52–53]. Западные державы не рискнули поставить под угрозу набравшую ход западную интеграцию ФРГ, предложение создать самостоятельную и вооружённую Германию не стало для них привлекательным. В речи 14 июня 1952 г. Аденауэр назвал главным успехом западных договоров фиаско «русской политики получить нас в ходе Холодной войны» (Adenauer, 1975, S. 249).

Однако нота Сталина не осталась только важным эпизодом в истории Западной Германии. До сегодняшнего дня это событие по-разному интерпретируется историками ФРГ и является предметом крупной историографической дискуссии.

По большому счёту спор вокруг ноты внутри Западной Германии не утихал со времени её появления (позиции ХДС и СДПГ). Историки ФРГ сходятся в том, что во второй половине 1950-х гг. активизации дискуссии способствовали два события [Zarusky, 2002, S. 10–12].

В 1956 г. появилась книга журналиста Пауля Зете «Между Бонном и Москвой» [Sethe, 1956]. Он исходил из того, что советское предложение вытекало из интересов безопасности СССР, предполагало уступки и поэтому в 1952 г. был упущен шанс для воссоединения при нейтральном статусе. Книга получила большую известность. 23 января 1958 г. на знаменитых «ночных дебатах» бундестага два бывших министра правительства Аденауэра – Дэлэр и Хайнеманн – выступили с резкой критикой его германской политики. Канцлеру ставилась в упрёк, в частности, упущенная возможность 1952 г. К. Аденауэр при этом имел растерянный вид и не нашёлся, что ответить, как свидетельствует, например, депутат от ХДС, впоследствии федеральный канцлер К. Г. Кизингер [Rhöndorfer Gespräche, 1982, S. 96]. Дебаты получили большой общественный резонанс и существенно способствовали тому, что, по меткой и часто цитируемой формулировке Г.-П. Шварца, «слоган об упущенной возможности весны 1952 года, по меньшей мере как вопрос, глубоко засел в коллективное подсознание целого поколения» [Schwarz, 1982, S. 13].

Этот вопрос стал предметом изучения политологов и историков. Постепенно оформились две основные школы. Одна группа исследователей, которую вслед за Рудольфом Морзеем можно называть «школой скептиков», исходит из пропагандистского характера ноты, не усматривая в ней серьёзность намерений. Советское предложение рассматривается как отвлекающий манёвр (в качестве помехи для западной интеграции, шага для закрепления статуса ГДР и обеспечения при этом «алиби» своей позиции по германскому вопросу или для возмущения общественного мнения ФРГ и свержения неудобного правительства Аденауэра).

Самые, пожалуй, известные представители «школы скептиков» – Германн Грамль и Герхард Веттиг. Г. Грамль в работе «Национальное государство или западногерманское отдельное государство» [Graml, 1977] анализирует ноту в контексте международной обстановки и её влияния на немецкую общественность и приходит к выводу о том, что Сталин использовал ноту только как алиби для своей германской политики, которая на самом деле имела целью раздел Германии на длительное время. Подтверждение этого Г. Грамль видит в том, что предложение создания национальной армии не могло быть принято, по меньшей мере Францией [Ibid, S. 840–842]. Получив доступ к американским архивам, он нашёл подтверждение своей точке зрения, согласно которой никакой упущенной возможности не существовало.

Г. Веттиг в своих работах рассматривает советскую ноту 1952 г. в контексте послевоенной европейской, в частности германской, политики Сталина, которая представляется как политика экспансии, расширения сферы влияния, установления коммунистических режимов и продвижения коммунистической идеологии. Идеологический аспект обоснования внешней политики СССР – неизбежность внутренних противоречий в капиталистических странах и конечной победы коммунизма – трактуется Веттигом не как пропагандистская поддержка, а как реальная движущая сила, ядро убеждений советской политики [Wettig, 2000, S. 79–107]. В начале 1990-х гг. ему первому из историков ФРГ удалось поработать в московских архивах Министерства иностранных дел и, в частности, изучить документы о появлении ноты Сталина. На основе анализа этих источников Вет-

тиг заключает, что речь шла не о серьёзном внешнеполитическом предложении, а о манёвре для мобилизации немцев против западногерманского правительства и западных держав. «Стремление найти "союзников" в политических кругах Федеративной Республики было ориентировано на основную мысль – свергнуть правительство Аденауэра» [Wettig, 1993, S. 191].

По мнению Йохена Лауфера, Советский Союз, направив ноту, рассчитывал предотвратить свое исключение из процесса мирного регулирования отношений союзников с ФРГ и одновременно продемонстрировать международной общественности свои мирные намерения [Laufer, 2000, S. 117]. Как легенду рассматривает возможность объединения в 1952 г. и Манфред Киттель [Kittel, 1993, S 355–389].

Представители «школы скептиков» указывают также на различия в понимании Западом и Советским Союзом таких основополагающих понятий, как свободные выборы и демократия. Эти фундаментальные различия, конечно, не способствовали сближению сторон.

Представители «школы скептиков» называют возможность объединения Германии в 1952 г. «легендой об упущенной возможности». Данный взгляд на проблему является, безусловно, господствующим в историографии ФРГ, и его основные положения отражены в большинстве общих работ по истории Западной Германии. Так, Шварц описывает ситуацию как «борьбу против советского наступления нот» [Schwarz, 1986, S. 906–924], Гёртемакер сводит советскую ноту к пропагандистской попытке свергнуть правительство Аденауэра [Görtemaker, 2004, S. 309].

Имеющих противоположную точку зрения можно назвать сторонниками «теории упущенной возможности». Истоки данного направления восходят к работе П. Зете «Между Бонном и Москвой» и его последующим трудам [Sethe, 1965, 1966]. Из историков одним из первых выступил в рамках этого подхода Андреас Хилльгрубер. В статье «Аденауэр и нота Сталина марта 1952» он осторожно предполагает, что нота соответствовала серьёзному интересу Сталина к нейтрализации Германии. По мнению Хилльгрубера, Сталин исходил из существования противоречий между «империалистическими» державами, которые хотел использовать в интересах Советского Союза. Советский вождь был готов заплатить очень высокую цену, «даже сдать ГДР и СЕПГ», чтобы предотвратить интеграцию немецкого военного потенциала в западный блок, которую он считал очень опасной [Hillgruber, 1976, S. 111–130].

Самым известным сторонником «теории упущенной возможности», представившим развёрнутую и целостную позицию, является Рольф Штайнингер. Его работа «Упущенный шанс. Нота Сталина от 10 марта 1952 года и воссоединение» (в редакции 1986 г. «Шанс для воссоединения? Нота Сталина от 10 марта 1952») [Steininger, 1990] стала заметным событием в историографии ФРГ и в значительной мере подхлестнула научный спор, задала ему новый импульс. Штайнингер строит исследование на основе британских и американских документов. В начале работы он выдвигает ряд тезисов, основными из которых являются следующие: 1) предложение Сталина было серьёзным; 2) предложение Сталина было отклонено как слишком опасное решение германского вопроса, а западная интеграция с разделом страны считалась лучшим решением; 3) вся «битва нот» 1952 г. была лишь тактикой, чтобы в основном защитить идею западной интеграции в рамках западногерманской общественности и «подстраховать» Аденауэра.

Штайнингер отмечает особую роль Аденауэра в отклонении ноты: с самого начала истории канцлер «тотчас и быстро, решительным образом подавил все стремления, направленные на тщательную проверку» [Ibid., S. 30]. Грядущее создание Европейского оборонительного сообщества было, с точки зрения Аденауэра, «важнейшим историческим событием для Европы за сотни лет». Штайнингер исходит из того, что предложенная русским диктатором идея Германии как внеблоковой, но вооружённой не соответствовала пониманию Аденауэра. Поэтому он делает вывод о том, что «в ста метрах перед целью, подписанием западных договоров, Аденауэр ни за что не хотел упустить успех» и «всю свою силу, всю свою ловкость он теперь применил для того, чтобы почти любой ценой: 1) предотвратить переговоры с Советским Союзом; 2) довести до конца как можно быстрее западные переговоры и 3) представить всё это в своей фракции и немецкой общественности как единственно правильный и одновременно кратчайший путь к воссоединению. К тому же слишком большие усилия были, разумеется, не нужны; многие думали и без того так же, как он» [Ibid., S. 37–38].

Слабость работы Р. Штайнингера, подчёркиваемая его противниками, – характер источников, подтверждающих серьёзность советского предложения. Штайнингер, например, использует

такие документы, как сообщение французского посла в Вашингтоне о его беседе со вторым советником советского посольства, или статью Дж. Кеннана 1972 г. Но главный его источник – телеграмма канадского посольства в Москве министру иностранных дел Канады Л. Пирсону от 26 июля 1952 г., которая из Оттавы была перенаправлена в Форин Оффис. В телеграмме передаётся содержание разговора с итальянским послом ди Стефано, который информирует посольство о встрече Сталина с лидером итальянских социалистов Пьетро Ненни. Кстати, сам Ненни впоследствии отвергал тот факт, что разговор вообще состоялся. Со слов ди Стефано, Сталин в этой беседе выразил серьезный интерес к нейтральному статусу Германии [Steininger, 1986, S. 282]. Таково было содержание телеграммы. Аргументация Штайнингера признаётся его противниками «хрупкой». Р. Морзей считает, например, что работа Штайнингера подтверждает лишь осознание западными державами серьезности предложения переговоров [Morsey, 1990, S. 166].

Из сторонников «теории упущенного шанса» можно выделить и Вильфреда Лота, который исходит из того, что Сталин готов был пожертвовать коммунистическим режимом в Восточной Германии ради предотвращения ремилитаризации и вхождения ФРГ в западный альянс [Loth, 2002b; 2002a]. Однако в целом число сторонников этой теории невелико.

Приверженцы преобладающей точки зрения отрицают большую роль Аденауэра в отклонении ноты и тем более какую-либо его историческую ответственность за закрепление раскола Германии. Отрицается и серьёзность советского предложения. Истинные причины раскола страны видятся в глобальном противостоянии западных союзников и СССР, в различных представлениях их о будущем Германии. Например, Морзей считает, что корни раскола Германии «лежат в начавшемся в 1945 году (противоположном) развитии Германии вдоль разделительной линии Железного занавеса» [Morsey, 1990, S. 166].

Спор историков ФРГ по поводу ноты советского правительства от 10 марта 1952 г. часто идёт вокруг толкования политики западных союзников и советской. Позиция Аденауэра трактуется достаточно однозначно: для канцлера советское предложение не было шансом, альтернативой, равнозначной западной интеграции. Он не хотел нейтральной, вооружённой Германии вне западного союза. При этом сама возможность воссоединения страны на основе советских предложений 1952 г. остаётся в историографии ФРГ дискуссионной.

Клаус Готто объединяет представления К. Аденауэра в области германской политики до 1954 г. в «концепцию освобождения» [Gotto, 1974, S. 7–8]. Она строилась на общих положениях «политики силы»: западная интеграция и сдерживание коммунизма выступали как предпосылки будущего «освобождения» ГДР Советским Союзом. Последний должен был отступить, как предполагалось, ввиду собственных внутренних проблем и сплоченного Запада. Инициативы Аденауэра в области германской политики – «Австрийское решение», «План Глобке» и «План гражданского мира» – приходится на заключительный период его канцлерства. Они предполагали признание ГДР на условиях, которые бы Советский Союз тогда не принял: нейтрализация ГДР, коренная гуманизация отношений в ГДР, т.е. изменение восточногерманского режима при отсутствии ответных движений со стороны ФРГ и Запада.

Основные убеждения Аденауэра в этот период оставались прежними: ставка на «политику силы», «теорию магнита» (привлекательность демократического Запада для населения тоталитарного Востока), ожидание благоприятных перспектив и отказ признать ГДР в том виде, в каком она сложилась после 1949 г. В отсутствие возможностей для воплощения собственного сценария Аденауэр предпочитал держать германский вопрос открытым. В августе 1961 г. появилась Берлинская стена. Она явилась символом раскола, и остро встал вопрос о том, насколько реалистичной была германская политика первого федерального канцлера.

В исторической науке ФРГ до 1990 г. выделяется «целевой конфликт» между западной интеграцией и воссоединением во внешнеполитической концепции К. Аденауэра [Morsey, 1990, S. 167], или «логическое несоответствие» этих заявленных целей. Ещё одна общая оценка: воссоединение не было главным приоритетом политики Аденауэра [Schwarz, 1971, S. 85–86]. В германской политике канцлера отмечается вербальная часть, популистская риторика – постулирование воссоединения как высшей цели. Вместе с тем абсолютное меньшинство исследователей утверждают, что Аденауэр просто не хотел воссоединения, как, например, Йозеф Фосепот в статье «Западная интеграция вместо воссоединения» [Foschepoth, 1988, S. 55]. По мнению же большинства, Аденауэр рассматривал воссоединение как долгосрочную цель.

Оценки конкретных внешнеполитических шагов федерального канцлера, итогов его германской политики разнятся. Исходя из этого можно выделить две группы исследователей.

К первой группе можно отнести большинство известных и признанных историков ФРГ, таких как Г.-П. Шварц, А. Дёринг-Мантойффель, Р. Морзей, М. Гёртемакер, всю «школу скептиков» в дискуссии вокруг ноты Сталина 1952 г. Вообще спор вокруг этого советского предложения можно считать частным случаем в противостоянии двух точек зрения. Оно представлено в цикле публикаций «Рёндорфер гешпрехе» («Рёндорфские беседы»), отражающих ход обсуждения важнейших аспектов внутренней и внешней политики первого федерального канцлера на ежегодных конференциях. Вошедших в первую группу можно условно назвать сторонниками германской политики Аденауэра. У истоков её стоял Г.-П. Шварц. В качестве общих постулатов этого господствующего в историографии ФРГ направления можно выделить следующие: 1) политика К. Аденауэра гарантировала безопасность и демократическое развитие ФРГ; 2) советская политика, советские инициативы начиная с ноты 1952 г. и кончая Берлинским ультиматумом Хрущёва несли опасность и не предоставляли шанса для воссоединения в «мире и свободе», поэтому оборонительная стратегия была верна [*Rhöndorfer Gespräche*, 1997]; 3) истинный виновник раскола – не германская политика Аденауэра, а глобальное противостояние (холодная война). Например, Шварц, а за ним и Морзей считают, что корни раскола следует искать не в 1952, а в 1947–1948 гг., в начале того разновекторного развития, которое привело к закреплению деления страны [*Schwarz*, 1982, S. 11].

Вторая группа исследователей не так многочисленна. Критерии их оценки уходят корнями в политическую публицистику 1950-х – 1960-х гг. (работы П. Зете и Р. Аугштейна). Она носит более выраженный эмоционально-оценочный характер. К ней можно отнести исследования политологов В. Бессона и А. Баринга, историков П. Бендера, Й. Фошепота, К. Клессманна, сторонников «теории упущенной возможности». Все авторы исходят из того, что односторонняя западная интеграция сделала невозможным воссоединение.

Баринг среди действительных целей политики Аденауэра называет лишь западную интеграцию, противоречащую и отодвигающую на неопределённую перспективу воссоединение, которое лишь прокламировалось как главная цель [*Baring*, 1969, S. 333–334]. Вслед за Барингом Г.-А. Якобсен представляет германскую политику Конрада Аденауэра, аргументированную посредством западной интеграции, как «жизненно необходимую ложь» перед лицом избирателей [*Misstrauische Nachbarn*, 1970, S. 213].

Оценки Петера Бендера более эмоциональны: он выступал за более активную германскую и восточную политику в русле идей социал-демократов Вилли Брандта. Германская политика Аденауэра признается им нереалистичной, закрепляющей раскол страны [*Bender*, 1986, S. 45–46].

Кристоф Клессманн упрекает Аденауэра в отсутствии реализма, называет основы его германской политики «удобной, но бесплодной формулой, которая со всё большей очевидностью не соответствовала изменяющейся международной ситуации и привела к сильному шоку от потери иллюзий» [*Klessmann*, 1988a, S. 68]. В понимании Клессманна Аденауэр не поднялся до политического осмысления поражения 1945 г. в контексте германской и восточной политики. В работе «Два государства, одна нация. Немецкая история 1955–1970» он делает вывод о том, что «окончательный раскол нации на два государства относится к итогам периода правления Конрада Аденауэра в той же мере, в какой и Вальтера Ульбрихта» [*Klessmann*, 1988b, S. 469].

Оценки Йозефа Фошепота ещё более жёсткие. Он считает, что Аденауэр вообще не хотел воссоединения. В историографии германской политики канцлера Фошепот выделяет «миф о патриоте Аденауэре» [*Foschepoth*, 1988, S. 30]. Сам он пишет о «цинизме аденауэровской германской политики снова и снова побуждать надежды на воссоединение Германии, хотя он сам делал всё, чтобы его предотвратить» [*Ibid.*, S. 42]. По мнению В. Лота, политика Аденауэра способствовала «закреплению немецкого раскола и блоковой конфронтации Восток – Запад» [*Loth*, 1988, S. 287–288].

Позиции сторонников германской политики Аденауэра до 1990 г. были не столь однозначны и ясно выражены. На первый план выдвигались заслуги канцлера в области западной интеграции, обеспечения гарантии безопасности ФРГ в случае советской угрозы. Все историки писали свои работы на фоне продолжающегося раскола Германии, время окончания которого сложно было предсказать. Другими словами, представителям господствующего направления не хватало основного аргумента – доказательства на практике правильности курса германской политики Аденауэра.

Коренным образом ситуация меняется после воссоединения Германии в 1990 г., которое произошло во многом неожиданно для самих немцев и как раз по давнему сценарию Аденауэра – путём вхождения ГДР в ФРГ.

Сторонники первого подхода получили абсолютный перевес в рамках данного историографического спора. 1990 г. можно выделить как важнейшую веху не только в истории, но и в историографии ФРГ. Примером может служить биография Аденауэра, написанная Г.-П. Шварцем. Если в первом томе ее, изданном в 1986 г., канцлер предстает скорее как творец западной интеграции ФРГ [Schwarz, 1986], то в появившемся в 1991 г. втором томе он уже выступает в роли некоего провидца, который уже в начале 1950-х гг. увидел путь к единству. Шварц подчёркивает, что воссоединение стало возможным «в условиях западных единства и силы, а также советской слабости и новой разумной оценки собственных интересов под знаком разрядки Восток – Запад. Как раз в этом был, по свидетельству многочисленных источников, которые здесь во многом могут быть оценены впервые, долгосрочный расчёт Аденауэра с 1952 года» [Schwarz, 1991, S. 991].

Клаус Готто предложил для характеристики К. Аденауэра формулу «реалист в качестве провидца» [Gotto, 1990, S. 6-13]. Г. Ланггут заявляет, что, без сомнения, «предпосылки для кардинальных перемен в германской политике 1989/1990 годов были заложены Аденауэром и его политикой» [Langguth, 1994, S. 79].

Аналогии, действительно, прослеживаются. Сам Гельмут Коль, канцлер воссоединения, указывал на то, что воссоединение стало «результатом долгосрочно задуманной, умной политики, фундамент которой заложил Конрад Аденауэр уже в пятидесятые годы» (цит. по: [Zitelmann, 1991, S.9]).

Р. Морзей в работе «Германская политика Аденауэра. Старые тезисы и новые факты» не без удовлетворения отмечает изменение позиций таких старых критиков Аденауэра, как Р. Аугштейн и А. Баринг, которые после 1990 г. отказались от прежних взглядов и признали заслуги первого федерального канцлера в подготовке основ воссоединения [Morsey, 1991, S. 49]. А. Баринг на очередном заседании «Рёндорфер гешпрехе» в 2001 г. на тему «Аденауэр и немецкая история», действительно, уже говорит о «патриотизме Аденауэра» [Baring, 2001, S. 209]. По мнению самого Морзея, К. Аденауэр точно определил такие предпосылки воссоединения, как 1) «магнетическое влияние» демократической, экономически развитой ФРГ; 2) стремление к свободе; 3) «следующее из собственных интересов Москвы изменение курса советской германской политики» [Morsey, 1991, S. 48].

Бывшие противники и критики германской политики К. Аденауэра, однако, и после 1990 г. пытаются внести коррективы в господствующие представления. Одна из подобных немногочисленных попыток – статья П. Бендера «Немецкие легенды с 1990 года». Он констатирует появление после неожиданного для всех воссоединения ряда легенд, искажающих историю. Одна из легенд заключается в «ренессансе немецкого политика Аденауэра», который предугадал воссоединение под знаком силы Запада, слабости Москвы, вхождения демократической Германии в НАТО. Бендер задаётся вопросом: «Между ожиданиями Аденауэра и их выполнением лежат 30 лет – какой была бы Германия без политики разрядки времён от Брандта до Коля?» Далее Бендер перечисляет достижения политики социал-демократов, связанные с решением германского вопроса: снятие напряжённости, взаимное признание и кооперация двух немецких государств, диалог с СССР и др. Он заключает, что «если эта политика была нужной для единства нации и затем также для объединения государств, тогда нельзя чествовать Аденауэра как канцлера единства» [Bender, 1999, S. 10–11]. Бендер выступает против ретроспективной оценки, позволяющей исходить из свершившегося факта и подгонять определённые события для его детерминистского обоснования.

Кристоф Клессманн и Бернд Штёвер считают, что нельзя исключать возможность воссоединения Германии в более ранний период на основе нейтрального статуса, и также выступают против использования детерминистских конструкций и «экс-пост-суждений» в интерпретации исторических процессов [Klessmann, Stöver, 1995, S. 1633]. Исследователи не считают воссоединение доказательством правильности германской политики Аденауэра, так как между ними лежала длинная фаза разрядки, которая «была принципиально по-другому конструирована», чем политика первого канцлера. Клессманн и Штёвер видят значение политики западной интеграции Аденауэра для воссоединения в том, что она заложила основы для разработки и воплощения социал-либеральной во-

сточной политики. В итоге они заключают, что Конрад Аденауэр и Вилли Брандт в равной мере могут быть названы отцами воссоединения [*Ibid.*, S. 1634–1635].

В интерпретации историков ФРГ германская политика Аденауэра основывалась на твёрдом убеждении в приоритете западной интеграции и в правильности проведения «политики силы» в отношении Советского Союза. ГДР не признавалась ни государством, ни партнёром по переговорам. В историографии ФРГ до 1990 г. можно выделить сторонников и противников такой политики. Первые исходили из того, что канцлер делал реально возможное для объединения «в мире и свободе», вторые считали, что его политика усиливала раскол. После объединения Германии интерпретация историков первой группы господствует, получив основной аргумент: воссоединение путём вхождения ГДР в ФРГ и в западный блок расценивается как подтверждение политического расчёта Аденауэра. Противники этой точки зрения указывают на важность восточной политики социал-демократов Брандта, которая позволила снять напряжённость и начать диалог между Западной и Восточной Германией, между ФРГ и СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1994. 556 S.

Adenauer K. Reden 1917–1967. Eine Auswahl. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 495 S.

Проект советского правительства о мирном договоре с Германией // Правда. 1952. 11 марта. № 71 (12273). С. 2

Библиографический список

Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München; Wien: Oldenbourg, 1969. 492 S.

Baring A. Resümierende Bemerkungen // Rhöndorfer Gespräche. Bd. 19: Adenauer und die deutsche Geschichte. Bonn: Bouvier, 2001. S. 204–222.

Bender P. Deutsche Legenden seit 1990 // Zeichen und Mythen in Ost und West. Rostock: Universität Rostock, 1999. S. 7–17.

Bender P. Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag. München: Deutsche Taschenbuch-Verlag, 1986. 289 S.

Die sowjetische Deutschland-Politik in der Ära Adenauer // Rhöndorfer Gespräche. Bd. 16. Bonn: Bouvier, 1997. 198 S.

Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 279 S.

Foschepoth J. Westintegration statt Wiedervereinigung: Adenauers Deutschlandpolitik 1949–1955 // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 29–60.

Gotto K. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien III. Untersuchungen und Dokumente zur Ostpolitik und Biographie. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1974. S. 3–91.

Gotto K. Der Realist als Visionär. Die Wiedervereinigungspolitik Konrad Adenauers // Die politische Mitteilungen 35. 1990. H. 249. S. 6–13.

Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt a/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. 915 S.

Graml G. Nationalstaat oder Westdeutscher Teilstaat // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1977. H. 3. S. 821–864.

Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982. Baden-Baden: Nomos, 1983. 767 S.

Hillgruber A. Adenauer und die Stalin-Note vom März 1952 // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1976. S. 111–130.

Kittel M. Genesis einer Legende // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1993. H. 3. S. 355–389.

Klessmann C. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1955–1963 // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988a. S. 61–79.

Klessmann C. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988b. 648 S.

Klessmann C., Stöver B. Die Deutschlandpolitik der Bundesregierung Adenauer und die politisch-parlamentarische Diskussion in dieser Zeit // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Ge-

- schichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Bd V/2: Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen. Baden-Baden: Nomos, 1995. S. 1612–1635.
- Langguth G.* Konrad Adenauer: «Vater» der Wiedervereinigung oder «Spalter» Deutschlands // «Macht bedeutet Verantwortung». Adenauers Weichenstellungen für die heutige Politik. Köln: Wissenschaft und Politik, 1994. S. 75–93.
- Lauffer J.* Der Friedensvertrag mit Deutschland als Problem der sowjetischen Außenpolitik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2000. H. 1. S.117.
- Loth W.* Adenauers Ort in der deutschen Geschichte // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 271–288.
- Loth W.* Das Ende der Legende // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2002a. H. 4. S. 653–664.
- Loth W.* Die Entstehung der «Stalin-Note». Dokumente aus Moskauer Archiven // Die Stalin-Note vom 10. März 1952. München: Oldenbourg, 2002b. S. 19–115.
- Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919–1970: Dokumentation und Analyse. Düsseldorf: Dröste, 1970. 504 S.
- Morsey R.* Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München: R. Oldenbourg Verlag, 1990. 274 S.
- Morsey R.* Die Deutschlandpolitik Adenauers. Alte Thesen und neue Fakten. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. 54 S.
- Niedhart G.* Außenpolitik in der Ära Adenauer // Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre. Bonn: Dietz, 1993. S. 805–818.
- Rhöndorfer Gespräche. Bd. 5: Die Legende von der verpassten Gelegenheit. Stuttgart; Zürich: Belser, 1982. 112 S.
- Rhöndorfer Gespräche. Bd. 16: Die sowjetische Deutschland-Politik in der Ära Adenauer. Bonn: Bouvier, 1997. 198 S.
- Schwarz H.-P.* Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. 1021 S.
- Schwarz H.-P.* Adenauer. Der Staatsmann: 1952–1967. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1991. 1083 S.
- Schwarz H.-P.* Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 71–108.
- Schwarz H.-P.* Einführung // Rhöndorfer Gespräche. Bd. 5: Die Legende von der verpassten Gelegenheit. Stuttgart; Zürich: Belser, 1982. S. 10–15.
- Sethe P.* Die Bundesrepublik zwischen Ost und West // Deutschlands Außenpolitik seit 1955. Stuttgart: Seewald, 1965. S. 207–224.
- Sethe P.* Öffnung nach Osten. Weltpolitische Realitäten zwischen Bonn, Paris und Moskau. Frankfurt a/M.: Scheffler, 1966. 203 S.
- Sethe P.* Zwischen Bonn und Moskau. Frankfurt a/M.: Scheffler, 1956. 173 S.
- Steininger R.* Eine Chance zur Wiedervereinigung? Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Darstellung und Dokumentation auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten. Bonn: Verlag Neue Gesellschaft, 1986. 327 S.
- Steininger R.* Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten. Berlin; Bonn: Dietz, 1990. 158 S.
- Wettig G.* Die Deutschland-Note vom 10. März auf der Basis diplomatischer Akten des russischen Außenministerium // Deutschland Archiv. 1993. S. 786–805.
- Wettig G.* Programmatische und pragmatische Elemente in Stalins Deutschland-Politik 1945–53. Untersuchung aufgrund sowjetischer und ostdeutscher Akten // Historisch-politische Mitteilungen. 2000/7. S. 79–107.
- Zarusky J.* Einführung // Die Stalin-Note vom 10. März 1952. München: Oldenbourg, 2002. S. 7–17.
- Zitelmann R.* Adenauers Gegner. Streiter für die Einheit. Erlangen; Bonn; Wien: Straube, 1991. 229 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.01.2017

CONRAD ADENAUER AND THE GERMAN QUESTION IN GERMAN HISTORIOGRAPHY

A. N. Sorokin

Omsk State University, Mira ave., 55a, 644077, Omsk, Russia
SorokinAN@omsu.ru

The article deals with the evaluation of Federal Chancellor Adenauer's policy in the German question formed in German historiography. The main historical initiatives and events of Adenauer's chancellorship are presented in the interpretation of German scholars. Based on the analysis of sources, the paper demonstrates the main directions of research and debatable questions of German historiography in interpretation of German policy of the first Federal Chancellor. The historiographic discussion on the Soviet Note of March 10, 1952 containing the offer of reunification of Germany with the neutral status (the so-called "Stalin Note of 1952") is considered in detail. The two main opposite interpretation directions of the issue are characterized. The supporters of the "skeptical school" refused the seriousness of the note's intentions and stressed its propaganda nature. The supporters of the "theory of the missed opportunity", on the contrary, stated the serious character of the Soviet offer and considered the refusal as a missed chance for the country reunification. The German reunification in 1990 led to the dominant position of those researchers who supported the German policy of Adenauer, and who, due to the GDR regime collapse, received a powerful argument in favor of the correctness of the long-term ideologies of German policy made by the first Federal Chancellor. The author defines the main current positions of the critics of Adenauer's German policy, who, after reunification, focused on the role of the policy of Adenauer's successors ("Willy Brandt's new east policy").

Key words: German history, German historiography, German question, Conrad Adenauer, cold war.

References

- Adenauer, K. (1994), *Erinnerungen 1953-1955* [Memories 1953-1955], Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany, 556 p.
- Adenauer, K. (1975), *Reden 1917-1967. Eine Auswahl* [Speeches 1917-1967. Selected], Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany, 495 p.
- Baring, A. (1969), *Aussenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europaeischen Verteidigungsgemeinschaft* [Foreign policy in Adenauer's chancellor democracy. Bonn contribution to the European defensive community], Oldenbourg, Munich/Vienna, Germany, 492 p.
- Baring, A. (2001), "Summarizing remarks", in *Rhoendorfer Gespraechе. Vol. 19. Adenauer und die deutsche Geschichte* [Rhoendorf conversations. Vol.19. Adenauer and German history], Bouvier, Bonn, Germany, pp. 204-222.
- Bender, P. (1999), "German legends since 1990", in *Zeichen und Mythen in Ost und West* [Signs and myths in East and West], Universitaet Rostock, Rostock, Germany, pp. 7-17.
- Bender, P. (1986), *Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag* [New east policy. From construction of the Wall to the Moscow treaty], Deutsche Taschenbuch-Verlag, Munich, Germany, 289 p.
- Doering-Manteuffel, A. (1983), *Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949-1963* [The Federal Republic of Germany in Adenauer's era. Foreign policy and internal development 1949-1963], Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, Germany, 279 p.
- Foschepoth, J. (1988), "West integration instead of reunification: Adenauer's German policy in 1949-1955", in *Adenauer und die deutsche Frage* [Adenauer and the German Question], Vandenhoeck & Ruprecht, Goettingen, Germany, pp. 29-60.
- Gotto, K. (1974), "Adenauer's German and east policy 1954-1963", in *Adenauer-Studien III. Untersuchungen und Dokumente zur Ostpolitik und Biographie* [Adenauer-Studies III. Investigations and documents to the east policy and biography], Matthias-Gruenewald-Verlag, Mainz, Germany, pp. 3-91.
- Gotto, K. (1990), "The realist as a visionary. The reunification policy of Konrad Adenauer", *Die politische Mitteilungen*, vol. 35, № 249, pp. 6-13.
- Goertemaker, M. (2004), *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland* [History of the Federal Republic of Germany], Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a. M., Germany, 915 p.
- Graml, G. (1977), "Nation state or West German part state", *Vierteljahrhefte fuer Zeitgeschichte*, № 3, pp. 821-864.
- Haftendorn, H. (1983), *Sicherheit und Entspannung. Zur Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955-1982* [Security and detente. To the foreign policy of the Federal Republic of Germany in 1955-1982], Nomos, Baden-Baden, Germany, 767 p.
- Hillgruber, A. (1976), "Adenauer and the Stalin's note from March, 1952", in *Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2* [Konrad Adenauer and his time. Vol. 2], Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany, pp. 111-130.
- Kittel, M. (1993), "Genesis of a legend", *Vierteljahrhefte fuer Zeitgeschichte*, № 3, pp. 355-389.
- Klessmann, C. (1988a), "Adenauer's German and east policy 1955-1963", in *Adenauer und die deutsche Frage* [Adenauer and the German Question], Vandenhoeck & Ruprecht, Goettingen, Germany pp. 61-79.

- Klessmann, C. (1988b), *Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970* [Two states, one nation. German history in 1955–1970], Vandenhoeck & Ruprecht, Goettingen, Germany, 648 p.
- Klessmann, C., Stöver, B. (1995), “The German policy of the Federal Government Adenauer and the political-parliamentary discussion in this time“, in *Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Bd V/2: Deutschlandpolitik, innerdeutsche Beziehungen und internationale Rahmenbedingungen* [Materials of the commission of inquiry «Research of history and results of the SED dictatorship in Germany». Vol. V/2: German policy, Internal-German relations and international basic conditions], Nomos, Baden-Baden, Germany, pp. 1612–1635.
- Langguth, G. (1994), “Konrad Adenauer: "Father" of the reunification or "Splitter" of Germany“, in *«Macht bedeutet Verantwortung». Adenauers Weichenstellungen für die heutige Politik* [«Power means responsibility». Adenauer's settings the course for the today's politics], Wissenschaft und Politik, Cologne, Germany, pp. 75–93.
- Laufer, J. (2000), “The peace treaty with Germany as a problem of the Soviet foreign policy“, *Vierteljahrhefte fuer Zeitgeschichte*, № 1, pp.117.
- Loth, W. (1988), “Adenauer's place in the German history“, in *Adenauer und die deutsche Frage* [Adenauer and the German Question], Vandenhoeck & Ruprecht, Goettingen, Germany, pp. 271–288.
- Loth, W. (2002a), “The end of the legend“, *Vierteljahrhefte fuer Zeitgeschichte*, № 4, pp. 653–664.
- Loth, W. (2002b), “The emergence of the “Stalin's note”. Documents from Moscow archives“, in *Die Stalin-Note vom 10. März 1952* [The Stalin's note from the 10th of March, 1952], Oldenbourg, Munich, Germany, pp. 19–115.
- Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919–1970. Dokumentation und Analyse* (1970) [Distrustful neighbours. German east policy in 1919-1970. Documentation and analysis]. Droeste, Duesseldorf, Germany, 504 p.
- Morsey, R. (1990), *Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969* [The Federal Republic of Germany. Foundation and development until 1969], R. Oldenbourg Verlag, Munich, Germany, 274 p.
- Morsey, R. (1991), *Die Deutschlandpolitik Adenauers. Alte Thesen und neue Fakten* [The German policy Adenauers. Old theses and new facts], Westdeutscher Verlag, Opladen, Germany, 54 p.
- Niedhart, G. (1993), “Foreign policy in Adenauer's era“, in *Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre* [Modernization in the reconstruction. The West German society of the 50s]. Dietz, Bonn, Germany, pp. 805–818.
- “The project of the Soviet government about the peace treaty with Germany” (1952), *Pravda*, 11 marta, № 71 (12273). P. 2.
- Rhöndorfer Gespräche. Bd. 5: Die Legende von der verpassten Gelegenheit* (1982) [Rhoendorf conversations. Vol. 5: The legend of the missed opportunity], Belsler, Stuttgart/Zurich, Germany, 112 p.
- Rhöndorfer Gespräche. Bd. 16: Die sowjetische Deutschland-Politik in der Ära Adenauer* (1997) [Rhoendorf conversations. Vol. 16: The Soviet German policy in Adenauer's era], Bouvier, Bonn, Germany, 198 p.
- Schwarz, H.-P. (1986), *Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952* [Adenauer. The rise: 1876-1952]. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany, 1021 p.
- Schwarz, H.-P. (1991), *Adenauer. Der Staatsmann: 1952–1967* [Adenauer. The statesman: 1952-1967]. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany, 1083 p.
- Schwarz, H.-P. (1971), “Foreign policy concept of Konrad Adenauer“, in *Adenauer-Studien I* [Adenauer-Studies I], Matthias-Gruenewald-Verlag, Mainz, Germany, pp. 71–108.
- Schwarz, H.-P. (1982), “Introduction“, in *Rhoendorfer Gespraechе. Bd. 5: Die Legende von der verpassten Gelegenheit* [Rhoendorf conversations. Vol. 5: The legend of the missed opportunity], Belsler, Stuttgart/Zürich, Germany, pp. 10–15
- Sethe, P. (1965), “The Federal republic between the East and West“, in *Deutschlands Außenpolitik seit 1955* [German foreign policy since 1955], Seewald, Stuttgart, Germany, pp. 207–224.
- Sethe, P. (1966), *Oeffnung nach Osten. Weltpolitische Realitäten zwischen Bonn, Paris und Moskau* [Opening to the East. World-political realities between Bonn, Paris and Moscow], Scheffler, Frankfurt a/M., Germany, 203 p.
- Sethe, P. (1956), *Zwischen Bonn und Moskau* [Between Bonn and Moscow], Scheffler, Frankfurt a/M., Germany, 173 p.
- Steininger, R. (1986), *Eine Chance zur Wiedervereinigung? Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Darstellung und Dokumentation auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten* [A chance to the reunification? The Stalin's note from the 10th of March, 1952. Representation and documentation based on unpublished British and American acts], Verlag Neue Gesellschaft, Bonn, Germany, 327 p.
- Steininger, R. (1990), *Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten* [A missed chance. Stalin's note and reunification. Research based on unpublished British and American documents], Dietz, Berlin/Bonn, Germany, 158 p.
- Wettig, G. (1993), “The Germany note from the 10th of March on the base of diplomatic acts of the Russian foreign ministry“, *Deutschland Archiv*, pp. 786-805.
- Wettig, G. (2000), “Program and pragmatic elements in Stalin's German policy in the 1945-53rd. Research based on Soviet and East German documents“, *Historisch-politische Mitteilungen*, № 7, p. 79–107.
- Zarusky, J. (2002), “Introduction“, in *Die Stalin-Note vom 10. März 1952*, [The Stalin's note from the 10th of March, 1952], Oldenbourg, Munich, Germany, pp. 7–17.
- Zitelmann, R. (1991), *Adenauers Gegner. Streiter für die Einheit* [Adenauer's opponents. Fighters for the unity], Straube, Erlangen/Bonn/Vienna, Germany, 229 p.